

Сашетта
Котляр

A romantic couple in formal wear. The man is wearing a dark suit, white shirt, and dark tie. The woman is wearing a dark purple strapless dress. They are standing close together, looking at each other. The background is dark with blue and red lighting.

Мадая
ЗА ТОБОЙ

Сашетта Котляр

Падая за тобой

<https://litres.ru/74207594>

Аннотация

— У тебя проблемы, Лу? Так возьми, пригодится, — он протянул мне свою визитку. — Хороший жаркий секс без обязательств здорово прочищает мозги. — Ты совсем псих?! После всего, что ты натворил, я скорее тебя придушу твоим же галстуком. — Ну-ну, посмотрим, дорогая. Я вижу, как ты на меня облизываешься... Надо ли говорить, кто из нас был прав? Но только мне не стоило влюбляться в садиста и психопата...

Однотомник, жанр триллер стоит тут не просто так. Я предупредила :) Плашка про вещества поставлена ботом, они здесь только упоминаются, даже без точного названия.

Содержание

Играя словами и фразами	4
Любовь — это так забавно	8
Интерлюдия первая. Жизнь в одной ночи	18
Это красный	40
Когда растекается злость	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Играя словами и фразами

Луиза

— Давай, Лу, ну же! Ты же можешь отбить этот мяч! — голос коллеги выбивает меня из задумчивости, но удар Роя я, конечно же, пропускаю. Беллроуз фыркает и объявляет:

— Три-ноль в мою пользу. Ты так себе теннисистка, Луиза.

Я смотрю на него и не понимаю. Как он может быть таким... нормальным, и одновременно быть собой? Эта белая рубашка, у которой он закатал рукава. Эти каштановые расчёпанные волосы почти до плеч. Расслабленная ироническая улыбка. И совершенно холодный взгляд серых глаз.

Мероприятия нашей компании Рою нужны примерно столь же сильно, как любовь, честь и совесть. Но кроме меня никто не видит этого холода, не видит, что он просто играет, и не более того. Хочется подойти к коллегам и встряхнуть их. Это же Беллроуз. Он нечестно получил место в совете директоров!

Невольно отмечаю, как похож он на актёра в высокобюджетном голливудском фильме. Только играет для нас. Для меня. Для мистера Сандерсона. И никто ничего не замечает. И даже я вынуждена подыграть:

— Пока ты учился отбивать мяч ракеткой, я изучала аналитические базы данных, — огрызнулась, но спокойным то-

ном. — Теперь ты умеешь играть в настольный теннис, а я проводить анализ конкурентов парой кнопок. И в чью пользу счёт?

— Посмотрим, как тебе это поможет, дорогая Лу, — ухмыляется он, и только мы вдвоём знаем, что эта фраза значит на самом деле. Я ёжусь под его взглядом, и пытаюсь выкинуть из головы неуместные мысли.

Ещё вчера я едва не выпила из бокала, который мне предложил официант на корпоративе. Станный запах насторожил, и я отказалась от напитка. А потом его едва не влили в меня силой, не оставив никаких сомнений в том, кто это был, и зачем оно ему было нужно. К счастью, у меня были хорошие отношения с охраной. К счастью, тонкое обоняние тоже не подвело.

Только у меня не было никаких доказательств. Официанта скрутили, заказчика он не выдал, а знала я только, что с того момента в мою спину всегда упирался странный растекающийся взгляд, пристальный и тяжёлый. Он словно стремился схватить меня, и не отпускать, но выражал это только лишь взглядом.

И даже сейчас. Традиционные вечерние развлечения коллег закончились на моём проигрыше в настольный теннис, и Беллроуз движется ко мне, поглядывая своими невозможными глазами.

— Давай я тебя подвезу? В качестве компенсации за проигрыш, — он ухмыляется, и говорит громко, откровенно

привлекая к нам внимание. — Слышал, твоя тачка в ремонте.

Ещё бы. И точно знаешь, почему. Поморщилась, вспоминая. Стараюсь не дрожать. Но говорить об этом вслух нельзя, иначе сумасшедшей сочтут скорее меня. Это я стала замом нашего генерального, а не Рой. Он оказался всего лишь вторым, и не получил должность. А теперь ведёт себя так, словно ничего не случилось.

— Надеешься получить должность через постель, когда меня снова повысят? Зря, ты не в моём вкусе, — сама не знаю, зачем его провоцирую. Но это звучит как нормальная пикировка.

Рой смеется, хотя я вижу, как напрягаются мышцы под его рубашкой, а ноздри расширяются. И даже глаза становятся темнее. Невольные намёки на то, чего не может быть, кажется, его провоцируют, но я не могу себя затормозить. Просто не получается. Такая грязь, особенно после... впрочем, нет, я не буду думать о похоронах Мэтта. Не здесь. И не сейчас.

— Пока что я предложил всего лишь подбросить тебя до дома. Но мне нравится направление твоих мыслей, дорогая. И сколько раз ты успела представить меня на шёлковых простынях? Интересно, в твоих фантазиях я был связан? — он ухмыляется, а я закусываю губу. Я же знала, как он ко мне относится. И кто в чьём вкусе на самом деле. И всё же он это говорит, а мне нужно что-то ответить. Что-то столь же лёгкое. Что-то совсем мне не свойственное. Но слова сами

прыгают на язык.

— Не выдавай желаемое за действительное, Белл. Я не вхожу в обширный круг твоих поклонниц, и твоему обществу с удовольствием предпочту такси, — я улыбаюсь, хотя на самом деле хочется отшатнуться.

Беллроуз улыбается тоже, и легко проводит рукой по моим волосам, ничуть не смущаясь того, что только что вопиюще нарушил чужое личное пространство. Некстати вспоминаю, что именно сегодня не собрала их в пучок, а просто распустила. Тело прошибает ток, в нос ударяет запах сандала и чего-то терпкого. Рой пользуется дорогим одеколоном... конечно, пользуется, это же Рой. Он всегда педантичен. И отвечает, легко отходя от меня сразу же после этого:

— Что ж, воля твоя, но мы же оба знаем, что ты непременно пожалеешь. Женщины не любят упускать ярких мужчин, — он отвешивает мне шутовской поклон, и уходит, как ни в чём ни бывало.

Пожалею. Что перешла ему дорогу. А вовсе не о том, о чём он только что сказал.

Любовь — это так забавно

Рой

Знаете, я далеко не подарок, о нет. Мне частенько смешно, когда говорят о ценности человеческой жизни. Еще чаще смешно — когда говорят о любви. О, слушая наивные излияния девиц, которые о ней говорят, я просто трясусь от смеха! К счастью, мне никто и не признавался. Почти.

Почему почти? Ну, не считать же за признание слезливый писк Луизы. Мы с ней даже не были парой никогда. Это вообще была такая глупая история... Сначала я её ненавидел. Она все время рушила мои планы.

Узнает, сучка, о том, что я собираюсь убить одного из наших общих конкурентов на новую должность — и тот непостижимым образом не окажется там, где должен был найти свою смерть. Выяснит случайно, что я планирую убрать мелкого братца неприятного мне типа, чтоб тот помучился — брат улетит на Гавайи на месяц на денежки Лу. А потом останется учиться где-нибудь в России. Принесет ей птичка на хвосте весть о месте, где мои ребята продают крупную партию наркотиков — они попадут под полицейскую облаву.

Хотя, надо отдать ей должное — она меня так и не сдала никому. Но при этом мешалась под ногами знатно. Она же отлично попортила мне репутацию. Из-за этой дряни даже самая меркантильная шлюшка, если только не буквально

проститутка с крупной суммой кэша в кармане, бежала от меня, как от огня.

Не знаю, откуда **тогда** Лу знала о моих особенных предпочтениях. Но знала, черт возьми, и от души этим воспользовалась, распустив обо мне такие сплетни, что даже я был удивлен её яркой фантазии. Кто бы мог подумать, что у милашки Луизы есть желание пожестить в глубине души. Иначе как бы она всё это выдумала?

Например, если верить сплетням, я имел девок, опустив голову под воду. Нравилось, мол, как она задыхается, ощущения острее. И меня бесят такие слухи. Не потому что я на такое не способен — было, что скрывать? Немало девок что-то такое со мной и пережило. А еще больше — не пережило. Но неужели она считает меня клиническим идиотом!?

Избавиться от тела шлюхи, которую никто в твоём обществе никогда не видел — дело пусть и неприятное, но не особенно сложное. Никто даже костей не найдет, если доверить это профессионалу, вроде моего друга Тома, носящего кличку Палач. А вот от светской бляд... ой, простите, львицы, которую последний раз видели на благотворительном приеме, вешающейся на тебя, избавиться гораздо сложнее.

Будут допросы, обыск квартиры, возможно — предварительное заключение. И самое главное — пострадает репутация. Деловая репутация, что очень и очень важно для моих целей. Поднимется такой вой в прессе, что карьеру можно будет закапывать и писать над ней RIP. Рой Беллроуз. Оно

мне надо? То-то и оно, что не надо, так что мои пташки молчат обо всём, что я с ними делаю.

Правда, за пределами светской тусовки, умная девочка Лу отваживала от меня девиц куда более неприятными слухами. И ничегошеньки незаконного, одни только ехидные смешки за спиной, да сочувственные взгляды. Мол, и как это такого красавчика угораздило? И за одно это хотелось её придушить! Ну, или, как вариант, трахнуть. Чтобы она на себе усвоила, что с этим у меня всё отлично, и никаких проблем не было отродясь.

На самом деле, я в некотором роде ею даже восхищался. Не каждый сумеет не только собственную задницу обезопасить от меня, но и о других позаботиться. А она могла. Не знаю, зачем. Но что-то мне подсказывает, что она не извлекала из этого выгоды. Глупо, но ярко, и, вынужден признать — красиво.

Я злился на неё, признаюсь. Потому что её все боготворили, а меня боялись. Сложно не молиться на светлый лик той, что спасла вашу жизнь. Уговорила, понимаешь ли, нужного человечка не садиться в машину... а потом тачка взлетела на воздух. Это было запланировано. Что водитель выживет — нет. Но Луиза не только ломала мои планы, но и обретала союзников. Снова и снова, черт её дери.

Саму Лу я пытался прикончить аж шесть раз. Первый — спустя три месяца после того, как мы стали коллегами. Она слишком быстро меня догоняла, и мне не нравилась такая

конкуренция. Тогда я пошел по проторенной дорожке — заминировал её маленькую красную машинку. Ей повезло. За руль сел её парень, пока она была в супермаркете. Хотел подождать её там. Пришлось ждать на мягких облачках, какая ирония...

И чертовка сразу поняла, кто это был! Наняла двух амбалов в охрану, и стала везде с ними ходить. А еще подослала ко мне снайпера в ответ. На теле я нашел тогда записку: «Полагаю, его прикончишь ты. И хорошо. Я хочу придушить тебя лично, ублюдок. За Мэтта». Не знаю, как она подсунула её снайперу.

Дальше мне тоже не везло. Бокал шампанского со снотворным из рук моего человека она просто не приняла. А я тогда успел неслабо размечтаться о том, что с ней произойдет у меня в подвале! В своем же подвале, наполненном гремучим газом, она не стала включать свет, почуяв посторонний запах. Хотя тот, кто продал мне баллоны пропана и клялся, что запаха у него нет. Я его потом нашел и прикончил, разумеется.

В шестой раз я просто вычислил время, когда она будет без охраны, и подослал к ней троих ребят, желавших попробовать нежного девичьего тельца. Она меня окончательно достала, так что я решил не убивать её, а вывести из игры психологически. Это, стоит заметить, куда хуже. Самих бойцов я бы потом тоже прикончил, впрочем — не люблю насильников, меня с них брезгливость берет.

А эта дрянь отбилась! Одного ударила в пах каблуком, второму брызнула в морду газовым баллончиком, а от третьего просто убежала. Они её догнали, конечно. Двое из трех. Тот, который получил острым каблуком в промежность благополучно сдох. Но оч-чень пожалели об этом. Девчонка привела их в западню, к милой компании байкеров. Парней избили до полусмерти, тел так и не нашли. Все это я знаю от нее самой, как и то, что она успела на бегу позвонить предводителю этой компании, который был ей должен. Откуда у неё такие знакомства, понятия не имею.

Потрясающее хладнокровие. Но оно ей очень слабо помогло потом. Я ведь начал с того, что она признавалась мне в любви, не так ли? А она признавалась, о да...

После того, последнего покушения на нее, я понял одну пренеприятную вещь. Я понял, что хочу эту девку. До безумия. Она не была красивой, нет. Тонкие, каштановые волосы в вечном пучке. Слишком большие оленьи карие глаза, с коротенькими ресницами. Тонкие губы, которые становились еще тоньше, когда она злилась. И вздернутый нос зазнайки. Постоянные брючные костюмы цвета весеннего дерьма. А также полное неведение о том, что женщина должна пользоваться косметикой, или хотя бы высыпаться, чтобы не было этих омерзительных мешков под глазами. Но она была единственной, кому удавалось меня перехитрить. И меня это заводило.

Да и тело у нее было... Весьма ничего. Она занималась в

спортзале три раза в неделю, каждый день бегала по утрам, и безумно любила походы. Это помогало поддерживать в форме природные данные. А у Луизы было на что посмотреть, на самом деле. Тонкая талия, красивая небольшая грудь, что легко помещалась в ладони. Длинные стройные ноги, тонкие запястья и такие же тонкие стройные лодыжки. Откуда я все это знаю? От нее же. Ну и благодаря тому, что я уже черт знает сколько раз спал с этой презабавнейшей маленькой дрянью.

Так вот, заметив свое влечение к ней, я просто предложил секс без обязательств. Я не ждал согласия, но решил: «Почему бы и нет?». Сначала она надавала мне много пощечин, обозвала озабоченным ублюдком, и попыталась двинуть коленкой в пах. Я тогда предотвратил это неприятное событие, и ехидно заметил, что в моей озабоченности виновата только она.

Лу смутилась. Мне это показалось забавным, и я сунул ей свою визитку.

— На случай, если передумаешь.

Она влепила мне еще одну пощечину, развернулась, хлопнула дверью и ушла. Но визитка осталась при ней. Я еще тогда подумал, что это не случайно.

И оказался прав. Спустя неделю, она мне позвонила. Она явно была пьяна, зла на весь белый свет, и не особенно сообщала, что делает. Но в трубку произнесла всего две фразы:

— Я согласна, Рой. Когда и где?

Разве такой человек как я, стал бы её уговаривать не делать этого?

— Если хочешь, можно и прямо сейчас. Я у себя, и абсолютно свободен. Ты в курсе, где я живу?

— Разумеется. Жди, — снова удивительно немногословно ответила она.

Когда она приехала, её ждал я, собственной персоной, с парой бокалов вина и без рубашки. Она и впрямь была пьяна. Потому что оба бокала упали со стола, а вместо них на нем оказался я. Никогда не думал, что Луиза может быть настолько инициативной. Впрочем, тогда мне было все равно. Я впервые позволил девушке быть хозяйкой положения. И даже не стал выгонять Лу, после того как все закончилось.

Наутро, протрезвев, она влепила мне несколько пощечин и сообщила, что в следующий раз тоже позвонит сама. Я не возражал. Хотя и взял у нее телефон, мягко заметив, что, если Лу будет наглеть, я могу просто не открыть дверь. Или не взять трубку, если во мне вдруг проснется сочувствие к ближним. И добавил, что вне этого маленького договора, наши с нею отношения останутся прежними.

— По-другому и быть не может, — согласилась она, и ушла из моего дома.

А потом её ночные приезды стали повторяться все чаще, и чаще. Она начала со мной разговаривать. О политике, о работе, о чем угодно. Я был не против. Все равно, вечером было чертовски скучно, за исключением тех, в которые мы

работали с Томом.

К тому же, Лу была интересным собеседником. Пусть и местами забавным. Она с жаром доказывала мне, что нельзя убивать людей ради выгоды. Доказывала, что продажа наркотиков — хреновый бизнес. Доказывала, что, устраняя конкурентов я многократно превышаю свои шансы стать жертвой покушения... И самое забавное, она не читала мне мораль. Она именно доказывала. И это было странно.

А тогда, когда она перед уходом приготовила мне завтрак, я понял, что секс без обязательств для неё стал чем-то иным. Или начал становиться. Мне, правда, было плевать. Хотя, лгу. Это тоже было забавно. Особенно потому, что она перестала распускать обо мне сплетни, и убедила толпу, что ранее слышанное обо мне — ложь из уст завистников. Ну, почти... почти, дорогая Лу.

Она так ревновала! Пару раз я слышал, как она бьет каблуками по креслу в своем кабинете, проклиная милую блондиночку, с которой меня засняли папарацци. Правда, милой она была только на снимке — в жизни это была необычайно болтливая дура, которую мне даже трахать было бы противно. Ну, разве что в рот. Чтобы заткнулась, наконец.

И Лу это знала. Она терпеть не могла Шерри Уайт. Собственно, потому я её и выбрал. Я начал любить светиться перед прессой с неприятными Лу девицами. И мне было плевать, что вкусы в этом плане у нас с нею совпадают. Её ревность слишком веселила, чтобы прекратить.

В конце концов, Луизе это надоело. Нет, она не отправила меня к черту, как сделала бы любая нормальная девушка на её месте. Она разрыдалась в мою подушку и прошептала:

— Рой я... Я люблю тебя. Пожалуйста, прекрати это. Ты делаешь мне очень больно.

Я громко рассмеялся, так, что собственный голос показался усиленным во много раз.

— Я знаю, Лу. И может быть, даже соглашусь перестать... но что мне за это будет? Даже не представляю, что может быть забавнее твоих слез и твоей ревности. Может, твое унижение, м?

И даже тогда она не послала меня к черту. Она согласилась на все мои условия. И притом, все это не доставляло ей абсолютно никакого удовольствия. Она более чем искренне билась в моих руках от страха, когда я держал её, пожалуй, все же симпатичную, головку под водой.

Она кривилась от ничуть не менее искреннего отвращения, когда я заставлял её вылизывать свои ботинки. Она делала все, или практически все, что я от нее хотел. Искренние негативные эмоции — вот что отличало её от обычной шлюхи. Они-то давно привыкли. Или даже получали удовольствие, я не знаю.

Ну, еще то, что такой она была только для меня. Знаю, что случилось бы с любым другим за мое поведение. Он бы не выжил — но вот благодаря кому, Луизе или мне?

Но когда она согласилась, я потерял всякое уважение к

Луизе Ферри. Правда, любого кто подойдет к ней на расстояние фута ... с любыми лишними намерениями, я все равно придушу. Или растворю в кислоте. Или отдам на корм собакам. Лу — моя собственность, по крайней мере, пока она мне не надоест.

А этого не произойдет еще оч-чень долго. Собственно, потому я и смеюсь, когда мне говорят о любви. Что может быть забавнее, чем чувство, превращающее даже самых сильных людей в жалких рабов?

Интерлюдия первая.

Жизнь в одной ночи

Луиза

— Я приеду, — беру телефонную трубку, и сама не верю, что набрала этот номер, и сказала именно эти слова.

— Не знал, что тебя возбуждает вид трупов, Лу. Возьми такси, будь добра, — сначала не понимаю, о чём он. Потом до меня доходит. Авария. Потенциальная. Думает, собью кого-нибудь? Не дождёшься, психованное ты существо.

— С каких пор тебя интересует мой комфорт? — произношу совсем не то, что собиралась. С ним — это частое явление.

— Если ты влетишь в столб пьяная, я останусь без хорошего секса. Меня это расстроит, — ленивый тон, равнодушная усмешка, затаившаяся в глубине бархатистого голоса.

— Потрясающая уверенность во мне, — язвлю, потому что иначе не получается. С ним — нет. — Может, это будет худший секс в твоей жизни, Беллроуз?

— Предыдущий мне понравился, — слышу, как он смеётся. Ловлю себя на том, что мне нравится его смех. Сколько я выпила? — Не вижу причин, почему что-то должно измениться. Возьми такси. Некрофилия не входит в список моих достоинств.

— А недостатков? — кажется, не меньше бутылки вермута. Иначе не несла бы такую чушь. Но Рой снова беспардонно ржёт, и я слышу телефонные гудки. Бросил трубку. Типичный Беллроуз.

Если бы у меня сейчас была хоть капля мозгов, я осталась бы дома. Но по телу бегут крохотные электрические разряды, я вижу перед мысленным взором потемневшие от возбуждения серые глаза с удивительно пушистыми ресницами, вижу искусанные губы, и понимаю, что я попала. Меня кроет, я как в лихорадке. Именно сейчас мне нужен этот мужчина.

И как хорошая девочка, я набираю номер службы такси и называю адрес, на котором меня нужно забрать. Возможно, голос звучит томным, потому что кое-что другое я делаю как плохая. Отодвигаю ластовицу своих скучных слипов, и касаюсь себя. Клитор горит огнём, но хочется, чтобы его касались совсем не женские руки. Прикусываю губу, издаю разочарованный стон.

Нет-нет-нет. Мне нужно собраться. Во всех смыслах этого слова. Поднимаюсь с постели, в которой и пила вермут прямо из бутылки. Выливаю себе в рот последние капли и ловлю их языком, словно надеясь, что Рой увидит. Меня кроет, я об этом знаю, но какая к чертям разница? Сейчас в голове восхитительная пустота, так что разницы решительно никакой. Как я жила без этого? Зачем я жила? Просто дайте мне эту безумно привлекательную мразь и ещё пару бутылочек...

Запоздало осознаю, что, если выпью ещё, до Роя доедут дрова, вероятно, раздетые. Меня это не устраивает. Снова поднимаюсь с постели. Комната шатается, я глупо хихикаю, смотрю куда-то в потолок, который самую малость кружится. Да, надо было остановиться на половине бутылки. Наверное. Но тогда я бы не позвонила ему, верно?

Когда я трезвая, я ужасно занудна. Так что подходящий комплект одежды лежит на кресле, и дожидается своей участи. Никаких колготок! Плевать на холод, от него отлично спасает такси. Кое-как натягиваю узкую юбку, спохватываюсь, застёгиваю на спине бесполезный бюстгальтер. С моим размером это декоративный элемент. Но ему нравится. Ему нравится даже, когда на мне некомплект. Кто бы мог подумать, что педантичный Рой Беллроуз любит кружевные лифаки в сочетании с чем попало... хихикаю своим мыслям, всё-таки натягиваю белую почти до прозрачности блузку. Мы же понимаем, для чего я еду? Понимаем же, да?

Уверена, моё усыплённое хорошей дозой выпивки «я» сейчас бы активно спорило. Но я его заткнула, и жмурюсь. Сейчас, совсем чуть-чуть, и мы с пьяным вхлам организмом сядем на нужный член, и выбьем из этой головы даже самые бредовые мысли. Снова хихикаю, хватаю ярко-алую помаду и провожу по губам. А потом пошло причмокиваю, и посылаю воздушный поцелуй в сторону зеркала. Волосы растрёпаны, какие глаза шальные и блестят — это я знаю и без глупой отражайки.

Наконец, раздаётся звонок. Таксист ожидает меня внизу. Ха! Хотя кто-то меня ждёт. Рой тоже. Он же, кажется, хотел хорошего секса, а? Интересно, его устроит перепих с женщиной, которая влила в себя целую бутылку? Или он что-нибудь с этим сделает? Главное, чтобы выебать при этом не забыл, а то я буду разочарована. Снова хихикаю. Кошусь на красные сапоги на высокой шпильке, но остатки здравого смысла заставляют нацепить устойчивые туфли. Бежевые. Скучные. Ну да ему не туфли от меня нужны...

Укутываюсь в пальто, и надеюсь, что для таксиста я не буду выглядеть дешёвой проституткой. Впрочем, это я кажется самую малость трезвею. Жаль, что вермут кончился — не успею исправить это досадное недоразумение.

Падаю на заднее сиденье, называю адрес — уже квартиры Роя. Интересно, как часто он водил к себе любовниц? Впрочем, я сама себя к нему привела. Но визитка-то была его, и там был от руки написан домашний адрес...

На водителя даже не смотрю. Откидываюсь на заднем сиденье, сразу отдаю ему хрустящие зелёные бумажки, не глядя. Сдачу не забираю — пусть будет чай. Весь салон пропахнет перегаром, как-никак, так что я ему задолжала. Несколько раз моргаю — пуф, а мы уже приехали. Жаль, это не магия, просто я провалилась в полудрёму. Нет, кажется вторая бутылка была бы лишней. Рой говорил, он не некрофил. А любители спящих, кажется, где-то рядом.

Белл — просто псих, более понятный. А кто тогда я мы

подумаем когда-нибудь потом, точно не сегодня. Тело горит огнём, но я смотрю на синее небо, на котором не видно звёзд — их все сожрала жизнь большого города. И иду к знакомой высотке, уже почти не шатаюсь. Рой любит очень-очень длинные здания. Сказала бы, что компенсирует, но я-то точно знаю, что нет — проверяла.

Снова хихикаю, вспоминая. Ну да, я уже успела рассказать куче народу, что Рой — импотент. И про маленький член тоже приврала. Не стеснялась — по моей версии у него два дюйма в штанах, и то, когда стоит. Реальность нужно умножать на три и прибавлять ещё какие-нибудь дробные значения. Всё у него там отлично. Настолько, что мне снова хочется запустить руку в собственное бельё. Но дойти до Беллроуза и укусить — хочется больше. И попробовать на вкус тоже.

Рой, Рой, Рой... почему трезвая я тебя боюсь, а пьяная — хочу? Что за дурацкий переключатель? Впрочем, если чуточку побыть честной, то и трезвая хочу, только к этому замешивается столько всего, что будь оно алкогольным коктейлем, я бы блевала дальше, чем видела. Наконец, набираю нужные цифры на двери. Слышу голос, но не могу разобрать слов, потому что в ушах резко начинает шуметь. Зато дверь открывается, и я вваливаюсь внутрь, слегка пошатываясь.

Нет, всё же безумно не хватает ещё одной бутылочки. Я бы расплескала её на этот красивый длинный ковёр, ведущий к лифтам, просто чтобы наутро Рой смотрел на это и

морщился. Не успеют же они его заменить, а? Или успеют?

Но бутылки нет, так что я с силой бью ладонью по кнопке вызова лифта. Ждать, опять ждать. Ненавижу ждать! Хочу укусить Роя за ухо так, чтобы остались отпечатки зубов. Интересно, как бы он это объяснял на работе? Смутился бы хоть немного? И может ли эта холёная рожа краснеть, или это только мне на роду написано чувствовать себя из-за него неловко?

Мне везёт, и недра лифта впускают меня спустя каких-то несколько секунд. Едва не падаю туда, радуюсь, что он пуст. Пальцы сами собой тянутся расстегнуть пуговицы пальто. Зачем мне нужно, чтобы я появилась на пороге у Роя в настолько непотребном виде не знает никто, даже я, но зачем-то нужно. Тормоза лежат на дне симпатичной бутылки, так что я делаю именно то, что хочется.

Так что, когда дверь лифта, наконец, снова открывается, Рой видит и чёрный бюстгальтер под белой блузкой, и расстегнутые пуговицы. И что-то ещё, наверное, видит тоже, потому что глаза — как я и воображала — темнеют. Кто бы мог подумать, что он будет стоять на пороге открытой квартиры и ждать меня. Кажется, немного трезвею, потому что на ум приходит сравнение для его глаз — цвет моря во время шторма. Оно не синее, оно серое в эти мгновения.

— Сколько же ты выпила? — чуть кривится, глядя мне в глаза.

— Всего-то бутылку вермута, — отвечаю, но выходит, ка-

жется, неразборчиво.

Рой морщится и втаскивает меня в квартиру за левое предплечье. Удивительно, но вместо безразличия я отчётливо читаю на его лице раздражение и что-то ещё. Смесь эмоций. Даже сейчас мне и хочется, и не хочется их расшифровывать.

— Исправим это недоразумение, — шепчет Рой куда-то мне в шею, стоит ему запереть дверь.

Легко подхватывает на руки, словно я вообще ничего не вешу, и втаскивает в ванную, не снимая даже пальто. Туфли падают где-то по дороге, но мне плевать. Ему, кажется, тоже. А потом эта сволочь резко окунает меня в довольно холодную воду. Набрал ванну, какая прелесть... когда только успел?

Трезвею достаточно, чтобы начать вырываться. Холодно, мокро. И как я потом поеду домой?! Меня ставят на пол. Кричу:

— Ты совсем с ума сошёл?! — он не отвечает.

Стаскивает с плеч мокрое насквозь пальто, просто рвёт несчастную прозрачную блузку. Вопреки логике и здравому смыслу мне снова становится жарко, хотя несколько секунд назад я тряслась от холода и хотела оторвать ему голову. Эта скотина серьёзно думает, что после купания в ледяной воде я буду с ним спать?!

Очевидно, думает, потому что сразу после этого за волосы притягивает меня к себе и целует, нагло, жёстко и с язы-

ком — я задыхаюсь, и забываю и про вермут, и про холод. В нос ударяет запах бергамота и нагретой кожи. То ли Рой сменил одеколон, то ли просто принял душ. Отрывается от меня, втягивает носом воздух где-то около шеи, фыркает.

— Так гораздо лучше. Какой смысл в сексе, когда ты едва стоишь на ногах?

Я не отвечаю, но заношу руку, чтобы вклепить ему пощечину. Рой перехватывает ладонь, и проводит по ней языком, заглядывая мне в глаза. Меня снова прошибает током. Вода стекает прямо на пол огромной ванной комнаты, а я ловлю в огромном зеркале напротив нас взгляд своего ошарашенного отражения. Ничего особенного он не сделал, а я давно уже не девственница, так почему меня так пробирает буквально от всего, что вытворяет этот мужчина? Неужели просто от того, насколько он наглый и уверенный в себе? Смешно, я же знаю, кто он такой, и что с ним не так...

Но его вообще ничего не беспокоит, и никакими вопросами он не задаётся тоже. Даже не думает, что во мне нашёл, я же совсем не в его вкусе. Просто снова хватает на руки и шагает в душ. Он одет, в чёрную рубашку и тёмные брюки, но ему, очевидно, плевать. Почти сразу включает горячую воду, и прежде, чем я пытаюсь вырваться, прижимает меня к стенке удивительно огромной душевой кабины. Жмурюсь, потому что вода попадает в глаза, но быстро перестаю думать даже об этом.

Руки Роя шарят по моему телу, сминая и стаскивая и юб-

ку, безнадежно ломая на ней молнию, и злополучные слипы он тоже умудрился растянуть так, что они просто упали к моим ногам. Бесит. Его снова хочется укусить, чтобы перестал так нагло портить вещи, да и меня тоже, так что я нащупываю его рубашку, и тоже рву. Пуговицы катятся по душевой, Беллроуз смеётся и впивается зубами мне в шею. Это больно, точно останутся синяки, но хочется, чтобы он продолжал, только кусал всё ниже и ниже.

Открыть глаза не могу, слишком большой поток воды, и невольно получается так, что я его не вижу — лишь чувствую. И от этого пьянею не меньше, чем от злополучного вермута. Кажется, что Рой должен меня прямо здесь трахнуть, это же то, ради чего мы здесь собрались, верно? Но вместо этого я ощущаю, как большие мужские руки начинают втирать что-то, пахнущее бергамотом и свежестью, мне в волосы. Что творится в голове у этого человека? Он вообще нормаль... мр...

Это приятно. Настолько, что если бы я не опиралась на стену, то наверняка свалилась бы, потому что я растекалась глупым желе под умелыми движениями чужих рук, и совершенно млела. А Рой переключился на плечи — короткое ощущение холода, запах чего-то цитрусового, и он продолжает массировать, но уже тело, медленно и со знанием дела. Я таю под этими прикосновениями, и они отключают мозги не хуже вермута.

Рой что-то шепчет, но я не слышу за льющейся водой, а

потом наглые руки начинают медленно, едва касаясь массировать соски. С губ срывается стон, и где-то над ключицей он вновь прикусывает кожу, но на этот раз едва-едва. Массаж продолжается, и вот руки уже на животе, а мне хочется сбежать куда-нибудь, потому что от горячей воды и его действий становится слишком жарко. Я кажусь сама себе одной огромной эрогенной зоной, и то, что открыть глаза не получается, только добавляет остроты ощущениям.

Руки опускаются ещё ниже, дразнящими движениями Рой касается лобка, переходит на бёдра, но не опускается ниже, и я в который раз вспоминаю, что сама планировала его укусь. Но в потоке воды я совершенно слепа, и у меня нет никаких шансов перехватить инициативу. Кажется, в этом и был его план, а?

Он разводит мне ноги, и мелкая дорожка поцелуев покрывает левое бедро. Затем — правое. Это так нежно, что я вздрагиваю. Хочется спросить, кто этот мужчина, и что он сделал с Роем Беллроузом. Но что-то в его голове перещёлкнуло сегодня, потому что он продолжает целовать мне ноги и едва-едва поглаживать между них, не касаясь самых чувствительных точек. Обычно я молчу и рядом с ним, и даже под ним — стоны кажутся ужасно пошлой штукой. Но то ли приснопамятный вермут не так уж и сильно выветрился из организма, то ли я просто впала в шок от того, как себя вёл Белл.

Потому что я сама себя не узнавала, слушая собственный

голос сквозь воду. Рой продолжал дразнить, не касаясь самых огненных мест, а я извивалась, пытаюсь поймать его руки, и тихо постанывала, практически в такт его движениям. Кажется, он продолжал выдавливать на руки гель, и отмы-
вать меня от маленькой вермутовой пьянки. Или просто по-
нимал, что я вся горю из-за этой внезапной водной ласки. Некстати вспомнилось, что у него обычно было связано с во-
дой, но Рой словно услышал мои мысли, и напрочь сбил их, лаская руками. Снова едва касаясь, так, что очень хотелось попросить его ускориться. Только не поворачивался язык — и он, несомненно, знал об этом.

Я не успела ничего подумать, не успела даже дёрнуться или попробовать отключить воду, как наглый язык начал ласкать клитор. Всё также медленно, круговыми движения-
ми, отчего я кажется вообще забыла где я и с кем, и просто плыла в его руках, не отдавая себе ни в чём отчёта. В конце концов запутала пальцы в мокрых волосах Беллроуза, и при-
жала его к себе, буквально требуя ускориться, продолжать, но он, конечно, поступил иначе.

Резко отстранился, направил воду прямо на меня, смывая гель. Я не сдержала разочарованного стона, потому что всё, чего я сейчас хотела — это чтобы он продолжал. И Рой, ко-
нечно, знал об этом, но его не очень волновало моё разоча-
рование. Вытащив меня из душевой, он завернул в махровый белый халат, и снова куда-то потащил, умудряясь целовать и кусать губы мне по дороге. Тот факт, что с него самого ка-

пала вода прямо на пол, его не смущал совершенно.

— Что ты тво... ришь... — пыталась спросить между поцелуями, от которых губы горели огнём, но он не давал мне достаточной передышки, чтобы сформулировать мысль. И не отвечал, только смеялся.

А дотасив свою добычу, наконец, до постели, выпутал из халата, и удивительно быстро пристегнул оба запястья наручниками к разным столбикам кровати.

— Ты должна быть пьяна мной, а не вермутом, — прошептал Рой, заглядывая мне в глаза. — По-моему, у меня получается, м?

Получалось. Кто бы спорил, даже слишком хорошо получалось. Я издала хриплый разочарованный стон, а Рой впился поцелуем мне в губы снова. Только теперь сама я его коснуться не могла, и была полностью в его власти. Обычно, насколько я знала, о таком спрашивали. Можно ли, стоит ли. Но в наших странных отношениях вопросов не было никогда, Беллроуз просто делал, что хотел, а я просто подчинялась. Кажется, именно это ему и нравилось.

Он снова начал дразнить, опускаясь с поцелуями ниже, касаясь разгорячённой кожи совсем слегка, и сейчас, когда руки были прикованы к постели, это било по нервам так, что хотелось поймать его хотя бы ногами. Но ноги он как раз начал держать сам. Широко развёл, и устроился между ними, нагло глядя мне в глаза. Снова. Хотелось их закрыть, но этот внимательный взгляд с потемневшими, расширенными

зрачками меня словно гипнотизировал.

Я готова была поспорить, что он сам сейчас возбужден не меньше моего, но Роя этот факт совершенно не беспокоил. Ему, кажется, слишком нравилось управлять мною и творить, что взбредёт в голову. Словно в подтверждение этих сумбурных мыслей, он прикусил сосок, срывая с моих губ невольный стон. Я дёрнулась, и запястья обжег холод. Беллроуз не разменивался на мелочи и не покупал наручники в секс-шопе. У него они были настоящие, металлические. Преступно сплю с психопатом, хах.

Дорожка из поцелуев снова привела его от груди к моим губам, и Рой мягко сообщил:

— Я тебя не выпущу, пока мне этого не захочется, Лу, ты в курсе?

Я попыталась что-то ответить, но успела только набрать воздух в легкие, когда меня снова заткнули поцелуем. Кажется, мои ответы ему в принципе не требовались. Это предположение подтвердилось, когда он добыл откуда-то из тумбочек рядом с кроватью кляп — на этот раз вполне себе из спецмагазина — и закрыл им рот. Теперь у меня не было и шанса что-то сказать и как-то выразить протест, но вместо того, чтобы испугаться, я наоборот почувствовала, как каждая клеточка тела становится эрогенной зоной. Крыша ехала, я это совершенно чётко осознавала, но мне это... нравилось.

— Твоим ротиком мы займемся позже, дорогая. А стонать

эта штука совершенно не мешает, — он хищно улыбнулся, явно вознамерившись продолжать в том же духе.

Я бы что-то промычала в ответ, но в этом не было совершенно никакого смысла. Да Рой и не ждал никакой реакции, почти моментально вернувшись обратно к моим ногам. Ладони его были удивительно горячими, а сам он снова вернулся к нежным, едва уловимым поцелуям... сначала. При этом продолжал гладить меня по животу сначала обеими руками, затем одной. А потом я почувствовала прикосновение холодного металла к своему бедру, и глухо застонала.

Было такое чувство, словно вода по-прежнему льётся, только попадает исключительно на бёдра. Потому что я сама была ожившим водопадом. Рой Беллроуз водил ножом по моим бёдрам и клитору, и при этом ласкал языком медленным круговыми движениями, а я с прикованными руками пыталась не дёргаться и громко пошло стонала.

Я дёрнулась, и он в самом деле слегка оцарапал кожу, нервы ожгло болью. Вместо того, чтобы испугаться, я промычала сквозь кляп что-то вроде «трахни меня уже», но Белл то ли не разобрал, то ли сделал вид. Даже не стал отвлекаться от своей безумной пытки. Противоречивые сигналы взрывали мозги, и я чувствовала, как подкрадывается оргазм, каждый раз отступая на пару шагов назад, когда Рой останавливался и замирал. И всякий раз я норовила дёрнуться ему навстречу, но вспоминала про металл, и боролась сама с собой.

Наручники впивались в запястья, но я не думала о том,

что мне придётся прятать последствия наших... свиданий, я лишь наслаждалась тем, насколько восхитительно пусто было в этот момент в голове. Всё, чего мне хотелось — это чтобы он перестал играть, и взял меня наконец, с наручника-ми или без, плевать.

А он продолжал дразнить, отчего на глаза выступали слёзы. Горло пересохло, пластиковый привкус кляпа раздражал где-то на краю сознания, а в голове крутилась одна и та же единственная мысль. Просто двигайся быстрее или трахни меня. Просто хватит, я так не могу!

Если бы не наручники, я уже вцепилась бы ему в волосы, и крепко прижала к клитору, но никакого контроля Рой мне не оставил. Даже сказать — я не могла, или придвинуться ближе.

Контроль. Его не было вовсе, даже его иллюзии. Я ждала оргазма как милости, как умирающий от жажды ждёт когда дождь наконец прольётся на иссохшую пустынную землю. Или Беллроуз просто остановится, нажмёт на свой чертов нож ещё немного в правильном месте, и я залью кровью его красивые синие простыни.

Эта картинка встала перед глазами очень ярко, и одновременно Рой вставил в меня два длинных тонких пальца, и начал быстро трахать ими, продолжая нежно и тоже очень быстро ласкать клитор языком.

Меня накрыло так сильно, что я умудрилась выплюнуть кляп, и закричать в полный голос. Нож Беллроуз, к счастью,

убрал, потому что иначе я точно напоролась бы на него, выгибаясь в сумасшедшем оргазме. Из глаз лили слёзы, и мне казалось, что я вижу маленькие звёзды. Это было нечто невероятное, всё тело охватила истома, и оно продолжало пульсировать и требовать ещё, хотя я совсем не чувствовала себя способной на повторение.

Рой не спрашивал. Он дал мне несколько мгновений, чтобы я отдышалась, и снова опустился вниз. Я успела пробормотать:

— Сними чертовы нару...

Но его язык с силой провёл по самым нежным местам моего тела, и я перестала думать о чем угодно, кроме того, что мне просто до боли хорошо.

В этот раз Рой не нежничал даже самую малость, и трахал уже тремя пальцами, так быстро, что я не успевала дышать. Он едва ли не кусал за бёдра, за мои бедные измученные складочки, да и за клитор тоже, а я извивалась, кричала, и напрочь потерялась во времени.

Когда Рой остановился, я сбилась со счета оргазмов, и чувствовала только как бешено колотится сердце, и как ноет буквально всё тело. Сама я сейчас не могла делать вообще ничего, даже почесать ноющие запястья. Или просто пошевелиться. Ноги не удержали бы меня, даже если бы мне за это заплатили бы всю зарплату за десять лет одним платежом.

В голове было пусто. Телу — безумно хорошо, но больно и холодно. А я неплохо знала Роя, и понимала, что он не за-

кончил вовсе. И не кончил, если уж на то пошло. Я засмеялась невольно пришедшему в голову каламбур. Беллпроуз усмехнулся, и освободил мне, наконец, руки. Я тут же укуталась в одеяло. Холодно. Почему-то, когда совсем хорошо — всегда холодно.

— Я выкурю пару сигарет, и вернусь, — сказал Рой хрипло. — Кто-то очень хочет, чтобы её наказали, кто бы это мог быть? Не вздумай уснуть, Лу.

— Ты всё равно... разбудишь, — пробормотала едва слышно, и он фыркнул, и тут же вышел.

Я нервно повела плечами. Значит, сегодня у него хороший день. И сигареты уходят вместе с ним. Какая-то часть меня испытывала от этого факта легкое разочарование. Никто не будет прижигать кожу с интересным звуком пшшш, нервы не напряжёт до предела боль, и ещё один шрам не добавится в обширную коллекцию. В плохие дни Рой куда сильнее помогал той тьме внутри меня разрастаться.

Потому что прежде чем превратиться в шрам, ожог ещё очень долго напоминал о прошедшей ночи. И о том, что я спуталась с человеком, по которому плачет квалифицированный психиатр, кстати, тоже. А с Роем об этом было очень полезно помнить, потому что он мог быть безумно обаятельным. И даже приятным собеседником, внимательным слушателем. Много кем. Но забывать про его настоящую сущность не следовало, а я падала куда-то за ним и не могла предсказать, к чему всё это приведёт. Точно ни к чему хоро-

шему, и надо бы остановиться, но...

Впрочем, додумать мысль Беллроуз мне не позволил, словно почувствовав, куда меня занесло. Впереди него в комнату вошёл терпкий запах сигаретного дыма, так что, хотя я не слышала шагов, а глаза и вовсе закрыла — всё равно сразу поняла, что он вернулся.

Я укуталась в одеяло ещё сильнее, хотя прекрасно знала, что меня сейчас будут из него вытряхивать. Сил не было ни на что в принципе, но я знала, что Рою нравится, когда я податливая кукла. Он под настроение находил в этом какую-то свою прелесть, более того, так прямо и говорил.

— Зря ты от меня скрылась, это тебе не поможет, — промурлыкал довольным тоном, и по коже тут же побежали мурашки. Да, в этот раз Беллроузу никто не успел испортить настроение. Хорошо это или плохо — он как обычно не дал мне задуматься, без какого-либо перехода вытряхнул меня из тёплого одеяла, обжигая прохладой собственного тела, и слегка потянул за волосы, вынуждая открыть глаза.

Я ничего не сказала в этот раз, только поймала отсвет от лампы в серо-стальной радужке. Глаза у него были сейчас совсем тёмные, дыхание напрочь сбито, а галстук кое-как висел поверх смятой полурасстёгнутой рубашки. Пиджак, в котором он был всё это время, Рой успел где-то сбросить, хотя раздеваться, как обычно, не спешил. Когда я попыталась к нему прикоснуться, он завёл мне руки за спину, и прикусил за ухо. Потом прошептал:

— А тянуть куда попало свои ручки я тебе не разрешал, Лу.

Хотелось ответить, что он никогда не позволяет мне к себе прикоснуться, и это страшно раздражает. Но меня, как всегда, попросту заткнули поцелуем. Целовать меня ему вообще нравилось, вопреки всем стереотипам насчёт того, как должны выглядеть отношения, основанные на сексе. Плевать Беллроузу было на всё, включая то, как и что должно выглядеть. Это нас с ним и отличало, кажется.

Он снова потянул за волосы, вынуждая меня запрокинуть голову. Как Рой умудрялся держать равновесие, одной рукой удерживая мне запястья, а второй оттягивая длинные пряди — загадка почище тайны Бермудского треугольника, но весь вес он не переносил. Впрочем, об этом я тоже перестала думать, когда Рой раздвинул мне коленом ноги. Почему-то меня всегда дико возбуждало, когда он так делал. А он, кажется, об этом знал.

Укус в шею был неожиданно болезненным, и я коротко вскрикнула. Потом ещё один чуть ниже, третий около ключиц, и тёплое дыхание разгоняло кровь по венам снова вместе с болью.

— Сделай мне больно ещё раз, — пробормотала себе под нос, пользуясь тем, что он наконец-то оторвался от моих губ.

В ответ услышала только усмешку, но затем Рой провёл пальцами по губам, вынуждая взять их в рот. Я обвела его длинные красивые пальцы языком, чувствуя вкус кожи, и по-

винуясь какому-то неадекватному порыву коротко мурлыкнула, изображая кошку. Дыхание Роя сбилось, и я ощутила, как в бедро упирается его член, всё ещё натянутый брюками. Я продолжала водить языком по двум его пальцам, а потом губами захватила их глубже.

Рой то ли зарычал, то ли застонал, расстегнул, наконец, ширинку, и одним рывком вошёл в меня, совершенно не церемонясь. Я вскрикнула. Да, когда я уже остыла после всего остального, что он вытворял, это и правда было болезненно. Но хорошо. Ровно то, что и было от него нужно, то, зачем я вообще сюда пришла.

Беллроуз вколачивался в меня, едва ли не вбивая тело в постель, а я чувствовала себя человеком, который наконец-то находится ровно там, где хочет. Срывала голос под ним, пыталась вцепиться ногтями в плечи. Он в очередной раз перехватил запястья, и покачал головой. Мол, нет-нет, меня ты трогать не будешь. Ещё бы. Единственный, у кого должен быть контроль — это Рой, а я просто прихожу и отдаюсь ему...

Кровать под нами громко скрипела, видимо, возмущённая творящейся вакханалией, а я едва ли не плакала, настолько саднило горло от криков. Наконец, я почувствовала, как внутри растекается его тепло, и он просто рухнул рядом со мной, минуя возможность прижаться или обнять. Не знаю, почему я ждала этого от него. Так глупо и бессмысленно, но ждала же.

Он лежал рядом, не прикасаясь, и тяжело дышал. Потом развернулся ко мне, набросил одеяло, в которое я укуталась, и сказал:

— Смотрю на тебя, и думаю... то ли мне нужен второй раунд, то ли пора отправлять тебя в душ и домой, — и острый взгляд высматривает что-то в моём лице, то ли отказ, то ли возмущение, то ли вообще что-то третье.

Говорить сложно, и мой голос звучит тихо, но я отвечаю:

— Что, у тебя отвалится что-нибудь, если ты не выставишь женщину до утра? — ничего не могу с собой поделать, постановка вопроса меня раздражает. И, если не врать себе, обижает тоже.

Он смеется, видимо, поймав что-то, чего и хотел от меня.

— Ну почему, если я буду трахать эту женщину всю ночь, то меня всё устроит. Тебе стоит гордиться, Лу. Обычно яставляю девок из отеля, а не из собственной постели.

— И чем же я заслужила эту сомнительную честь? Неужели хорошо сосу? — грублю, потому что иначе с ним не выходит. Он постоянно срывает корочку с моих ран, душевных — в том числе.

— Мммм... Это как раз можно ещё раз проверить, — усмехается нагло, и притягивает меня к себе.

Снова за волосы, и я шиплю от боли, но поддаюсь, когда Рой просто тычет меня лицом себе в пах. Я радуюсь, что в этот раз презервативов на нём нет. Иногда его переклинивает, и тогда он заставляет меня снимать их ртом. Отврати-

тельный вкус резины почти возникает на языке, но в этот раз я чувствую только липкую от спермы и моей смазки кожу, а ещё солоноватый пот. Рой толкает мою голову, вынуждая сразу взять пока ещё спокойный член в рот целиком, но от этого он сразу же начинает подниматься.

И снова управление вовсе не в моих, будем считать руках. Я успеваю только слегка касаться его кожи языком, обхватывать губами, и сжимать. А Беллроуз не церемонится и просто насаживает мою голову на себя, игнорируя и кашель, и заливающую лицо слюну. Кажется, что это длится вечность, хочется остановиться, ласкать его медленно, гладить руками. Но он не позволяет мне этого, и снова обильно кончает, а я глотаю, едва ли не облизываясь. Хотя бы это я могу позволить себе, вопреки этой его чертовой манере запрещать себя трогать.

Откашливаюсь, и слышу ленивый голос:

— Вот теперь точно. В душ — и пошла вон отсюда. У тебя полчаса, где ванна и фен ты знаешь. Новые шмотки висят в шкафу в коридоре. Не уложишься — пешком пойдёшь, — слышу эту усмешку, но не оборачиваюсь.

Только губы сами собой произносят:

— Когда-нибудь я тебя самого уложу... в полчаса, — мы оба знаем, что я имею ввиду вовсе не то, что говорю.

— Мечтай, Лу, — я слышу смех, и на негнущихся ногах бреду в ванную комнату. Чтоб ты подавился, Беллроуз!

Это красный

Луиза

Не было ничего безумнее этих отношений. Не было ничего страшнее, чудовищнее, ничего, о чем я могла бы с той же легкостью сказать, что оно пропитано ядом. Но Рой — был.

Был рядом, когда нужна была его помощь, хотя называл это иначе. Держал меня за руку, и гладил по волосам, когда вытянул признание о том, что со мной случилось без него. А еще порой поступал совершенно нетипично для себя. Не так, как я ждала от него. Не так, как следовало бы поступить, исходя из банальной логики. Он вообще умел подчиняться логике, или подчинял её сам?

Когда я узнала, что Мэй получила признание своего брата, я пришла к нему со скандалом. Без предупреждения, почти ночью. Он не должен был этого делать! Это сломало ей жизнь — знать, что близкий человек на самом деле чудовище, и что теперь он мертв — это... я даже не знаю, что она чувствовала, я не решилась позвонить ей.

Но я знала, что она не пришла на похороны Роба. И я не хотела, чтобы она чувствовала себя раздавленной, или ощущала вину передо мной. В конце концов, это было мое решение — прикрыть ее. Я не хотела, чтобы ей было больно, а в результате... то, что сделал Рой, возможно, нанесло ей еще большую душевную травму, чем если бы меня там не было.

Хотя нет, это, конечно, глупости. Я преувеличивала и знала об этом. Такой поступок брата по отношению к кому-то другому — чудовищен. Но по отношению к родной сестре? Здесь уже не спрячешься за самообманом, не придумаешь, что его заставили.

И все же, я была в бешенстве. Ведь я хотела оградить ее от этого! А он... вмешался. И мне не нужны были никакие доказательства, чтобы понимать, кто стоял за этим признанием, и этой смертью. Никто больше просто не знал, что произошло, я никому не рассказывала. И я гнала машину, чего обычно не делала, чтобы высказать Рою всё, что я о нём думала. Я настолько разозлилась, что, казалось, даже стерла с себя травму, всю боль, что брат Мэй мне нанес.

И я ждала чего угодно. Что его не окажется дома. Что он будет спать и проигнорирует звонок в дверь. Что у него окажется десяток посторонних женщин. Или даже всего одна. Но всё оказалось совсем не так. Рой открыл мне сразу же, появившись на пороге, как всегда, одетым идеально для этого момента. В застегнутой на все пуговицы черной рубашке, и потертых джинсах, он походил на рок-музыканта. И, кажется, был немного пьян?

— Я ждал тебя раньше, — усмехнулся он, увидев меня, и я растеряла большую часть злости. Ждал? Как это? — Прходи, не стой на пороге, — добавил он, видя мое недоумение, и буквально втянул меня в дом за руку.

Я скользнула взглядом по прихожей, отмечая там необы-

чайный порядок. Рой был педантом в том, что касалось одежды, парфюма, даже ногтей, но при этом, несмотря на регулярно приходящую уборщицу, у него всегда творился невообразимый хаос.

Что на столе, что дома, что в любом месте, которое он полагал своим. Никакой грязи, ни крошки печенья или капли кофе, но найти среди хаотично лежащих стопок документов, флэшек, канцелярских принадлежностей и прочего что-то нужное мог только он сам.

Быстрее, чем я, хотя на моем столе как раз всегда был идеальный порядок. Он каким-то образом всегда стоял в центре урагана, и по его взмаху руки этот хаос становился упорядоченным — но только для него. Никто больше не мог вмешаться в эту странную магию. А еще он просчитывал. И меня — в том числе. Достаточно хорошо, чтобы предсказать, что я приду к нему, узнав, что произошло.

«Я ждал тебя раньше». Я вообще не собиралась сюда приходить! А он ждал — и, что характерно, дождался. И кажется был настолько нервным, что убрался и вымыл вообще все. Хотя обычно к нему приходила уборщица, но не посреди же ночи... нет, это он сам. Своими руками.

Я вдруг поняла, что понятия не имею, каким Рой был в детстве. Было ли у него детство? Во что он играл? Кто его родители? Про отца я что-то смутное слышала — вроде бы, он был бизнесменом? Но вот о матери — ни слова. Я не знала где он вырос. Где учился. Кем мечтал стать, когда был ре-

бенком. Сомневаюсь, что убийцей. Или президентом.

Я не знала о нем, на самом деле, практически ничего. Ничего глубинного, более ценного, чем количество его любовниц или то, что он не способен ценить человеческую жизнь так, как ее ценят нормальные люди. Но что-то личное... даже какой у него любимый цвет — и то не имела ни малейшего представления. Хотя это почти наверняка какой-нибудь оттенок красного.

А вот он обо мне знал всё или почти всё. Знал, где живут мои родители. Знал, где я училась. Чем увлекалась и как пришла в компанию, что в конечном итоге свела нас вдвоем. Кажется, даже общался с моими друзьями детства. И знал, что в школе я была не популярна, и по мнению тех, с кем я училась, годилась только для того, чтобы списать у меня очередной неприятный тест.

Он пробрался ко мне под кожу, но сам не открылся ни на дюйм. И тот факт, что я думала об этом сейчас, когда собиралась требовать от него ответов, пугал особенно. Это ведь ненормально, верно? Он не должен так на меня влиять? Он — убийца, и хоть у него давно куплены все «нужные» люди, но я должна была хотя бы попытаться рассказать об этом.

И в то же время... а разве хоть кого-то кроме него волновало то, что я сама не своя, что мне плохо, что я нуждаюсь в помощи? Разве хоть кто-то, кроме него, вообще заметил, что со мной что-то не так? Это так... ломало?

И даже сейчас. Он молча вел меня по своему дому, и его

глаза лихорадочно блестели. Мне даже порой казалось, что они отливают красным. А когда мы, наконец, дошли до его гостиной — я обнаружила, что он и в самом деле меня ждал. С... ужином? Это было так нормально и в то же время сюрреалистично, что я замерла посреди комнаты, и как завороченная уставилась на открытую бутылку вина и, очевидно, уже остывшие стейки с греческим салатом.

Рой невозмутимо развалился в мягком темно-коричневом кресле, обитом чем-то пушистым, и кивнул мне на второе такое же. Я автоматически села, и посмотрела на него.

— Кажется, ты хотела меня поблагодарить? — с явным сарказмом поинтересовался этот псих.

— Ты серьёзно ждал... именно этого? — я чувствовала себя Алисой, провалившейся в кроличью нору, и обнаружившей себя не в красочном мультфильме, а в психоделичной компьютерной игре, или в гротескном кино, нарисованном фантазией эксцентричного режиссера.

Рой хрипло рассмеялся.

— Ты неподражаема, Лу. Нет, разумеется. Я не идиот. Ты собиралась рассказывать мне, какой я плохой и как неправильно было открывать глазки твоей подружке. Можешь, кстати, начинать, а то я и так ждал тебя слишком долго.

Я растеряно покачала головой.

— И ты... накрыл в связи с этим ужин? Ты празднуешь то, что я хотела... — я не договорила.

— Нет, Лу, — он усмехнулся. — Утилизация конкрет-

но этих человеческих отходов на мой вкус вполне тянет на праздник. Я решил его устроить — для посвященных. Что-то мне подсказывает, кроме нас двоих, посвященных больше нет, м?

— Есть еще твой... — я запнулась, пытаюсь подобрать слова. Этот человек внушал мне отвращение, и к тому же явно считал, что рядом с Роем никто не должен задерживаться надолго, так что я не знала, как его правильно назвать. Хотелось сказать «безумный фанат», но Рой, как ни удивительно, называл его «другом».

— Полагаю, присутствие этой персоны вызвало бы у тебя желание сбежать отсюда, и ты бы даже придумала «вежливый», — он обозначил кавычки руками, — способ это сделать. Меня это не устраивает. Да и личную заинтересованность в этом мероприятии Том не имел. В отличие от тебя.

Я вздохнула. Весь запал высказать ему всё, что я о нем думаю — иссяк, потому что его поведение переходило грань нормального даже для него. И меня никто не ждал с ужином, точно зная, что я собираюсь устроить скандал. Кажется, меня вообще никогда не встречали ужином — и тем более странным выглядело то, что впервые в моей жизни это сделал Рой.

Мне всегда казалось, что он не способен на заботу. На нормальные человеческие чувства. На сострадание или эмпатию. Но ведь... он зачем-то убил тех, кто мне угрожал. Тех, кто поступил со мной так, как мне не хотелось больше

вспоминать. Своеобразно, но... защитил? И вот теперь — ужин. Праздник. Для нас двоих.

Раньше он встречал меня — и раздевал. Прямо на пороге. А порой и я его, но в те дни я была очень зла, очень пьяна или одновременно пьяной и злой. Рой не пил. Не больше пары бокалов вина. Ему нравилось быть в ясном сознании, он даже, кажется, говорил об этом когда-то. Но я вдруг поняла странную вещь — при всем при этом он... никогда не выпускал меня из своего дома голодной? Я рассмеялась своим мыслям, и он зажмурился, как кот.

— Я дурно влияю на твоё психическое состояние, Лу. А предпочитаю, между прочим, влиять на моральное. Так где моя честно заслуженная лекция о добре и зле? — лениво спросил он, и потянулся.

Сходство с котом усилилось. Я моргнула. Резко взяла нож и всадила его в ни в чем не повинный кусок мяса. Меня совершенно не устраивало то, как он себя ведет. Это не вписывалось даже в те хрупкие рамки нормального, что у меня были. Но в конце концов спросила:

— Зачем ты это сделал, Рой? Зачем прислал ей видео? И мне — зачем? Да еще так демонстративно, на почту, со списком получателей.

— Что, никакой лекции? Я разочарован. Или заинтригован, — он усмехнулся, и аккуратно отрезал кусочек мяса. Тщательно прожевав, и запив из бокала — он как будто испытывал мое терпение — Рой, наконец, соизволил ответить.

Но раньше он вообще не стал бы со мной церемониться, верно?

— Видишь ли, Лу... вероятность того, что твоя подружка ничего не знала — стремится к нулю. Он не первый раз так вваливается к ней домой. Она прикрывала его от преследования, врала копам — я видел ее показания. Но она закрыла глаза и твердила, что ничего нет. Что ее братец не серийный насильник и наркоторговец, а просто запутался. И вообще его подставили, да-да, — я чувствовала сарказм в его голосе, он был осязаемым, даже острым.

— А меня, так уж совпало, жуть как раздражают идиоты, которые не способны посмотреть в глаза реальности. Вот ты — знаешь, кто я такой. И тем не менее, ты здесь. Ты не придумываешь себе плюшевого мишку, который страшно запутался в паутине и совершенно случайно свернул кому-то шею шестнадцать раз подряд. Это меня устраивает. А стремление сделать вид, что все монстры остались под кроватю, когда обладатель клыкастой пасти прямо сейчас ест живьем соседа или подругу и снимает это на камеру — раздражает. Я избавился от источника раздражения. Ты ведь не думаешь, что после этого видео она когда-нибудь пригласит тебя на День Рождения, а, Лу?

— Я и сама не смогла бы вернуться туда, — признала я.

— Я знаю, — он кивнул.

Я посмотрела на него, на кресло, потрескивающий камин, большой темный ковер, и совершенно невпопад спросила:

— Какой твой любимый цвет?

Рой отсалютовал мне бокалом вина.

— Побуду предсказуемым. Это красный.

Когда растекается злость

Рой

От того, о чем мне поведала мне заплаканная Лу, захотелось убивать. Не люблю, когда посягают на мою собственность, знаете ли. Еще меньше люблю, когда эта самая собственность в панике и слезах, и причина тому — не я. Да, когда это произошло, мы были толком не знакомы, а я планировал третье покушение на нее, но и что с того? Желание обеспечить ублюдкам мучительную смерть от этого никуда не делось. Даже более того: желание порвать их на мелкие кусочки и заставить умолять о смерти. А то, что один из них — старший братик подруги Луизы меня как-то мало волновало. Мне все равно, да и сантименты — не мое.

Вот сейчас, в моей голове проносились воспоминания о том, как я вообще об этом узнал. Лу ведь сильная девочка, она никому не рассказывала. Кроме меня.

Она разговаривала во сне. Ей снился кошмар, а по чуть полноватым щекам текли слезы. Естественно, я её разбудил. Не то что бы меня волновали её кошмары, но зато очень насторожили произнесенные моей Лу слова:

— Не надо, хватит... Оставьте меня в покое! Не трогайте Мэй... лучше я...

Подняв её, я начал расспрашивать, что ей снилось. Хотя и так догадывался, конечно. Моя дорогая, разумеется, попы-

талась навешать мне лапши на уши:

— Это просто кошмар, ничего больше.

— Луиза, ты будешь пытаться лгать мне? Я — не твоя драгоценная Мэй, и уж тем более не так легковверен, как твоя мамочка. К тому же, неужели ты будешь рада, если благодаря твоему молчанию произошедшее повторится с кем-нибудь другим? В этом ведь будет и твоя вина, — давить доказательствами я научился у нее же.

А с самоконтролем у меня всегда было все в порядке. Лу мялась какое-то время, а потом сдалась под напором аргументов. Во время её рассказа я только молча сжимал и разжимал кулаки. На ладонях даже остались следы ногтей. Ей было, что рассказать:

На дне рождения её подруги была сама Луиза, теплая компания друзей её тупорылая подружка Мэй Дэвис. Все было хорошо, пока не позвонили в дверь. Мэй пошла открывать, и обнаружила нетрезвого старшего брата с огромным медведем в руках. Брат пришел не один — с ним были какие-то громилы, Луизе они были представлены как друзья Роба.

Да и когда они пришли, казалось, что все еще хорошо. Парни веселились, играли на гитаре Мэй, пили и поздравляли именинницу. Ближе к ночи, общие друзья Мэй и Луизы начали расходиться, а сама хозяйка вечера ушла спать, сославшись на головную боль и попросив Луизу приглядеть за непутевым братцем и его компанией.

Именно после этого началось основное веселье. Милая

компашка уродов начала приставать к Лу, а та нецензурно выразила им все, что думает об их затее. Конечно, рассказывала она не так, но я все-таки неплохо её знаю. В общем, после её ответа на поползновения Робби, она и услышала, что он не против дать ребятам пустить по кругу собственную сестру. И естественно, согласилась её на этом поприще заменить. Глупая, сердобольная малышка Луиза. Я бы на её месте разрешил им делать что угодно, только без меня. Но разве добренькая Лу могла поступить так же? Конечно, нет.

Именно поэтому она сухо сообщила мне, что после этого разговора подонки несколько часов подряд её с упоением насиловали. У меня были смешанные чувства. С одной стороны, я уже понимал, что ни одному из них не выжить. С другой — очень хотелось ударить Лу. За то, что позволила с собой сотворить подобное, и ничего — черт побери, совершенно ничего! — им не сделала. Из-за кого — мне не приходилось даже гадать.

Я взял себе на заметку, поведать Мэй что у нее был за братишка. Пусть страдает, нечего отдуваться исключительно Луизе. Я не привык подавлять свои желания, так что моя маленькая дрянь получила от меня несколько пощечин. За то, что не рассказала, за то, что никак им не ответила, и за то, что она чертова альтруистка.

Луиза, что интересно, защищаться не стала. Понимала, думаю, что я прав. Зато она попыталась промямлить что-то о том, что у нее почти получилось все забыть, и попросила

меня не трогать Робби и компанию. В ответ я грязно выругался. А затем со всем доступным сарказмом протянул:

— То есть, ты хочешь оставить гулять на свободе мразь, способную подложить невесту под кого родную сестру, только потому, что тебе страшно? Я-то думал эгоист среди нас двоих я, — знал, на что давить. Луиза разозлилась. И все же попыталась возразить.

— Мэй не переживет смерти брата...

— А то, что он может с ней сделать, значит, пережила бы?

— Он же ничего не сделал!

— Предлагаешь ждать, пока сделает? Сомневаюсь, что твоя подруга столь же сильна духом, чтобы не только пережить это, но и скрывать ото всех. Да и предательство близких всегда больнее.

— Откуда тебе-то знать, у тебя никогда близких не было! — истерично заявила Лу. Я не из тех, кто обижается на правду, но еще одну пощечину она все же получила. А затем я спокойно заметил:

— Ну, во-первых, это не совсем верно. В моей жизни имеется пара человек, за которых я уничтожу кого и что угодно, и деньги тут не играют никакой роли. А во-вторых, прекрати истерику. Я пока не разучился смотреть по сторонам, и наблюдать за людьми. Да и какая к чертям разница, из чего сделан вывод, если он верен? Или ты хочешь проверить, прав я или нет?

Конечно, Лу сдалась. Все-таки, она никогда не была ду-

рой. Она мрачно вздохнула, и подробно пересказала мне всю известную ей информацию об этих троих. А знала Луиза практически все. Адреса, телефоны, уязвимые места... Она явно искала информацию о своих мучителях. Но на этом я заострять внимание не стал. Меня больше удивил тот факт, что я знал всю троицу лично.

— Говоришь, Роберт Дэвис, Чарли Аик и Гай Форас? Эти трое — из преступной группировки, распространяющей наркоту. А изнасилования — что-то вроде их хобби. К несчастью, они весьма быстро удаляются с места преступления. Копы несколько лет не могут поймать этих ребятков. А знаешь почему? Все банально. В страхе за свои семьи, пострадавшие дамочки либо молчат, либо обращаются в полицию тогда, когда уже ничего нельзя доказать. Прямо как ты, Луиза. Хорошо, что мне доказательства не нужны. Кстати, неужели крошка Мэй не в курсе, чем промышляет её братец?

— Нет, — ошеломленно выдохнула тогда Луиза. Она, должно быть, и не предполагала, что я знаю практически каждую шавку, промышляющую на моей земле. — Она думает, что он играет в рок-группе.

Луиза добавила к выданной ранее информации места, где парни бывают. Она решила, что лучше уж подруга лишится брата, думая, что он был добрым и веселым. Узнать, что он такое ей будет гораздо больнее. Мне же было плевать на подругу Луизы, интересовала только она сама. Как ни странно, спалось мне после всего услышанного отвратительно. Я даже

сделал совершенно не свойственную мне вещь — прижал к себе эту пустоголовую альтруистку, и на сей раз не во сне. И только после этого сумел наконец отрубиться. Наутро, я позвонил своему, если так можно выразиться, ближайшему другу:

— Том, приезжай. Немедленно. Да, ко мне. Банда Дэвиса совсем заигралась. Это дерьмо посмело тронуть Лу, а я об этом узнаю только сейчас!

— Стоп, стоп, стоп. Ты наконец поселил свою надоедливую коллегу к себе в постель? — ехидно осведомился тот.

— Давно. Речь не об этом. Я жду тебя около своего дома, с оборудованием, в компании твоих лучших громил. Думаю, человек восемь хватит. Приедешь — все объясню. Бери джип, нам предстоит ехать в гору.

На том конце провода послышалось: «Хорошо, скоро буду». У меня был всего один друг — зато какой понятливый! Спустя полчаса, молодой накаченный блондин и восемь громил прибыли к моим апартаментам. Я отряхнул каштановую гриву за спину, и вместе с большой черной сумкой сел в джип рядом с водителем.

— Робби — братик подружки Лу. И на прошлый день рождения этой подружки — три ублюдка её изнасиловали. Причинять ей боль — моя прерогатива, да и есть способы изящнее. Так что жить им осталось максимум сутки. Ты со мной? — я, конечно, не сомневался в положительном ответе — Томми не из тех, кто упускает подобные возможности. Однако,

стоило уточнить.

— Конечно. Давно хотел прикончить этих бешеных собак, да все повода не было. Громил Робби я еще понимаю — перед ними и проститутка не факт, что ноги раздвинет добровольно, а вот сам Роберт... омерзительно, — Том скривился. Одно дело убить, другое — быть тупым ничтожеством, генетической выбраковкой. Секс должен быть добровольным. По крайней мере, изначально, хе-хе. К тому же, так не интересно. Вот и сейчас я мечтательно заявил:

— Не ты один. Нужно назначить им встречу на той горе — заграждения, препятствующие падению машин с нее, давно отсутствуют, а упавшая с такой высоты тачка превратит еле живых мразей в кровавое месиво. Никто не определит, что с ними происходило в нашей маленькой пыточной камере...

— Что ты задумал? — заинтересованно спросил Том.

— Вызовем их на разговор, связанный с Луизой. Местом встречи назначим ту гору. Руку даю на отсечение — приедут на новой тачке Робби. Затем я спровоцирую этого придурка, и когда ублюдки кинутся в драку — просто дам знак твоим громилам. Они их повяжут, распихают по багажникам наших машин, а дальше...

— А дальше? — голубые глаза Тома возбужденно заблестели. Я только хмыкнул. Приятно, когда псих — не только ты. А уж как удобно!

— Увидишь. Поджарим со всех сторон, будут говорящие стейки, — криво усмехнулся я.

План прошел, как по маслу. Роб с друзьями обнаружили в их любимом баре, в компании шлюх. Там я потребовал разговора без посторонних ушей, честно сказав, что кое-кому придется ответить за Луизу. По устоявшейся традиции, обсуждать что-либо в баре мы не стали.

Спустя несколько часов, поздним вечером, я с громилами и троица самоубийц прибыли на место «разговора». В голове активно прокручивалось все, что хотелось с ними сотворить, и потому на моих губах играла довольная улыбка. Сомневаюсь, что она им нравилась. Посмотрела бы на это Лу, поняла бы, что все, что я когда-либо делал с ней — детская шалость, не более.

— Так что ты там хотел спросить по поводу этой шлюшки? Я слышал, она теперь твоя личная подстилка, — донеслось до меня «приветствие» Робби. Оригинальный способ подписать себе смертный приговор, вынужден признать.

— Я хотел уточнить, как у вашей шайки хватило смелости тронуть мою Луизу? — спокойно и угрожающе-мягко поинтересовался я у придурка.

— Тогда она не спала с тобой, Бэлл. Да и с нее не убыло ведь, — пробормотал наиболее тупой из громил, Гай. У меня даже мелькнула мысль, что Лу бы его отпустила. Начала бы вещать, что человек не виноват в том, что попал под дурное влияние. Или еще что-то в этом роде. Хорошо, что я не до отвращения добрая Лу. Не отпущу, и уж тем более не прощу. Посмертно, если только.

— Плевать. Она уже со мной работала, значит — уже была моя, — заявил я уверенно. Затем добавил, едко, все тем же угрожающим тоном.

— Робби, я еще понимаю твоих приятелей, на них шлюха-то без слез не взглянет, не то, что Лу. А ты что, тоже в принципе не способен уговорить женщину лечь с тобой в постель? Так и представляю, подходишь к проститутке и такой: «Ну... эта... ну... да-ай, а?», а она ржет и посылает тебя нахрен.

Робб зарычал. Затем ухитрился взять себя в руки и за-
явить:

— А я и уговорил! Лжет она все, сама она ноги раздвинула, ей даже понравилось! — терпение начало сдавать, и я ловил себя на том, что ногти сами собой впиваются в ладони.

Он вообще думает, перед кем несет этот бред? Черт, да у него в голове вообще мозги есть, или одна только ниточка для того, чтобы уши не отвалились? Меня охватила усталость. Сил не было, стоять на холоде, и слушать этого клоуна, чьи глаза уже давно должны быть выжжены. Чтобы и смотреть не мог, не то, что трогать. Впрочем, разве трупы смотрят?

Я сделал знак своим людям, и те высыпали из машины. Да, теперь план немного незакончен, но и черт с ним. Разорвать. Поджечь волосы, повывидать ногти. Заставить молить о смерти. Никто не смеет причинять вреда Луизе. Никто. Естественно, кроме меня. Ненавижу идиотов. Особен-

но, идиотов агрессивных и лишенных всяческого инстинкта самосохранения.

— Ты обещал, что приедешь только со своим дружкой!
— донесся до нас обиженный вопль, как мне теперь стало ясно, пьяного, Робби. «Дружок», в лице стоящего рядом Тома, согнулся пополам и расхохотался.

— Обещал? Ну и что? Слово, данное дерьму стоит не больше, чем само дерьмо, — констатировал я, подойдя к лихо скрученному двумя громилами Роберту и вколов ему лошадиную дозу снотворного. Мы подготовились, благо, идиоты здесь — эти молодчики. Других не нашлось. Том проделал то же самое с двумя другими будущими покойниками.

Спустя еще сорок минут джип и серебристая Lamborghini Reventón привезли своих спящих пленников к старому, заброшенному зданию на отшибе. Я мысленно хмыкнул — кто бы мог подумать, что подвал этого обшарпанного трехэтажного здания является хорошо оборудованной пыточной камерой?

Здесь было полно неприятных вещей: современная версия дыбы, койки — вроде тех, что удерживают особо буйных пациентов в психбольницах, с фиксацией для рук и ног. Привезенная мне в подарок «Железная дева», к несчастью, всего одна. Небольшой лазарет, чтобы их раньше времени не прикончил болевой шок. Пруты из медицинской стали, небольшая металлическая печка — именно в ней раскалялись докрасна эти пруты. Миниатюрные газовые горелки, которыми

было так удобно выжигать как на дереве, так и на людях и многое, многое другое.

Я взял в руку одну из горелок, задумчиво повертел, а затем сказал:

— Этих двоих — Роба и его тупого дружка, — привести в сознание и держать, так, чтобы все видели. Третьего я, пожалуй, дам вернуть к жизни Тому — тем способом, который придет ему в голову.

Мои люди быстро выполнили приказ, и теперь на меня смотрели две ничего не понимающие жертвы. Говорить они не могли — обмотанные скотчем пасти мешали. Том внимательно осмотрел третьего пленника, которого держала охрана, и спросил:

— Неужели ты предпочтёшь, чтоб начал я? Рой Беллроуз становится сентиментальным, а?

— Только после вас, — усмехнулся в ответ. — Я, может, в кои-то веки хочу посмотреть.

Том кивнул, и на тонких бледных губах заиграла полубезумная усмешка. О Томасе Халлоу ходили разные сплетни. И мало кто знал, насколько много в них правды. Его прозвали Ледяным Палачом, и заслужил это прозвище блондин отнюдь не за льдисто-голубые глаза. Он взял в руки длинную, толстую иглу, и задумчиво вывел какие-то не имеющие смысла слова на лице пленника.

От боли, тот быстро пришел в себя. Том подошел к нему вплотную, и заглянул в глаза. От его бесстрастного изучаю-

щего взгляда подонку стало сильно не по себе. Когда на тебя так смотрит Палач, ты можешь мысленно выкапывать себе могилу. До дружочка Роба начинало доходить, куда он попал. Парень дергался, хныкал и пытался вырваться из цепких рук моих телохранителей. Том хмыкнул, и почти ласково потрепал жертву по щеке:

— Ну что же ты так, — прошептал он, — я тебя еще практически не трогал, а ты уже наложил в штаны от ужаса. Ай-яй-яй. Совсем не то, что издеваться над беззащитными девушками, правда? Ничего. Скоро ты даже бояться не сможешь, только верещать и молить о смерти.

В глазах блондина мелькнуло что-то первобытное, когда он взял острый стальной нож, и начал аккуратно отрезать куски пальцев Чарли. Руку ему не позволял вырвать один из охранников, а двое других держали его туловище. Остальные подонки пытались хотя бы отвести взгляд, или просто удрать. Ласковое предупреждение от охраны заставило их присмиреть. Теперь ребятки заворуженно глядели на происходящее в подвале. Еще бы, кому захочется лишиться век?

«Как бандерлоги на удава Каа», — пронеслось в моей голове. Я хмыкнул, и протянул:

— Стареешь, Томми. Мне уже почти скучно.

Том тут же оставил кровоточащие руки своей жертвы в покое, и на секунду, кажется, задумался. Его окружало такое разнообразие! На холеном лице даже, пожалуй, отражались муки выбора. В конце концов, Том определился. Он решил

вернуться к классике. А кто лучший классик пыток? Верно — Святая Инквизиция, во всей её ужасающей красе. Блондин ненадолго зажмурился, и принялся методично загонять под ногти второй руки Чарли стальные иглы. Тот громко вопил, а я довольно шурился. Прекрасно, просто прекрасно. Пусть дальше орет. Но Халлоу решил, что стоит разнообразить представление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.